

Елена Г. Задворная (Минск)

Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики

Ключевые слова:

научная дискуссия, ритуализованная дискуссия, свободная дискуссия, аргументатор, оппонент, коммуникативная роль, иницилирующее речевое действие, реактивное речевое действие, коммуникативная тактика.

У раду се описују лингвопрагматичке одлике двеју врста научне дискусије – канонизирани и слободне. Главна пажња се поклања таквим одликама дискусије као што су промена комуникативних улога и семантичко-прагматичке одлике иницијалних и реактивних говорних чинова аргументатора и опонента.

Лингвопрагматические особенности такого жанра, как научная дискуссия, представляются весьма привлекательным предметом анализа в силу целого ряда обстоятельств.

Во-первых, прагматически ориентированное изучение характеристик речевого поведения, реализуемого в рамках определенной сферы коммуникации (в данном случае – научной), мотивируется общим усилением коммуникативно-прагматических акцентов в исследовании различных функциональных стилей – усилением, по сути дела, приведшем к

диалектическому снятию противоречий в рамках оппозиции «функциональная стилистика vs. анализ дискурса» (см., например, замечательную статью М. Н. Кожинной, опубликованную в третьем номере журнала «Стиль») (Кожина 2004).

Во-вторых, важнейшие особенности ряда категорий научного текста (в частности, таких как авторизованность, адресованность, диалогичность) и категориальных качеств научной речи (толерантность, точность, ясность) наиболее интересно и ярко высвечиваются при анализе научной коммуникации, проте-

кающей в режиме живого диалогического общения (отметим некоторую парадоксальность той ситуации, когда при изучении диалогичности или адресованности научной речи внимание ученых сосредоточено не столько на непосредственном диалогическом взаимодействии субъектов научной коммуникации, сколько на скрытых, неочевидных формах диалога, представленных в таких жанрах, как статья, монография и под.).

Жанр научной дискуссии, конечно, весьма неоднороден, что не раз отмечалось в научной литературе. Дискуссии могут различаться по предмету обсуждения (обсуждение проблемы – обсуждение конкретной точки зрения, сформулированной в выступлении, докладе и т.п.), по степени институциональности и соответственно регламентированности и даже ритуализованности речевого поведения их участников (официальная и «кулуарная» дискуссии, дискуссия на защите диссертации и «живое» обсуждение доклада на научной конференции), по степени спонтанности/подготовленности (ср. вопросно-ответный диалог на конференции непосредственно после сделанного доклада и полемику в научной печати), по форме общения и типу канонической/неканонической коммуникативной ситуации (устная, письменная или электронная формы общения в различных комбинациях), статусным характеристикам участников (равностатусная дискуссия между двумя известными учеными и неравностатусная дискуссия на защите кандидатской диссертации), по количеству участников (диада – малая или большая группа) и т.д.

Естественно, охватить прагматические характеристики речевых действий, реализуемых в рамках самых разных ти-

пов научных дискуссий, в относительно небольшой работе не представляется возможным, поэтому далее мы остановимся на двух разновидностях научной дискуссии: во-первых, это дискуссия в виде обсуждения научного доклада (на конференции, симпозиуме, круглом столе и т.п.) и, во-вторых, научная дискуссия на защите диссертации. Эти разновидности дискуссии противопоставлены по целому ряду названных выше параметров, и в первую очередь по степени регламентированности/ритуализованности речевого поведения их участников (защита диссертации представляет собой более или менее строгий ритуал, в то время как речевое поведение участников конференции относительно свободно) и статусным характеристикам коммуникантов (участниками дискуссии по обсуждению научного доклада – в частности, на научной конференции – могут оказаться коммуниканты с разным статусом: кандидаты наук могут обсуждать доклад коллеги с равным статусом, аспиранты могут задавать вопросы докладчику – доктору наук и наоборот и т.п., в то время как на защите диссертации статусные отношения четко фиксированы: докладчик-соискатель обладает более низким статусом, чем члены того или иного институционального органа, решающие вопрос о целесообразности присвоения соискателю ученой степени).

Обращение к данным подвидам научной дискуссии (будем далее обозначать их при помощи аббревиатур рд, т.е. ритуализованная дискуссия, и сд, т.е. свободная дискуссия) представляется нам любопытным, так как может позволить увидеть весьма тонкие штрихи, дифференцирующие две, на первый взгляд, до-

статочны близкие языковые игры. Между этими играми, естественно, нет и не может быть жестких границ¹, но, по остроумному замечанию Ж-Ф. Лиотара, для них есть «важность институций, которые накладывают ограничения на игры, а следовательно, размечают границы изобретательности партнеров в плане применения приемов» (Лиотар 1998: 49). Именно такие коммуникативные особенности и коммуникативные приемы станут основным объектом дальнейшего анализа.

Коммуникативные роли участников рд и сд

Коммуникативные роли участников рд являются *строго фиксированными*: аудитория (обычно члены ученого совета и – реже – прочие присутствующие) задает вопросы либо комментирует определенные положения концепции, представленной в диссертации/автореферате и/или докладе соискателя, аргументатор-соискатель отвечает на вопросы/реагирует на комментарий². Коммуникативные

роли участников сд являются *относительно фиксированными*: в принципе их распределение носит тот же характер, что и для рд, но возможно и ситуативное ролевое инвертирование: аргументатор-докладчик вполне может обратиться с контрвопросами к оппоненту, передавая второму роль отвечающего. Такое нестандартное распределение коммуникативных ролей возможно:

а) при уточнении отвечающим смысла заданного вопроса либо коммуникативных интенций спрашивающего:

Оппонент: Я не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что разрушаются формы социальной кооперации. Ведь общество-то существует.

Аргументатор: Вы не понимаете моих утверждений или вы не согласны с ними?

Оппонент: Я их не понимаю (Щедр4);

б) при «мониторинге» аргументатором характера восприятия его тезисов аудиторией и при организации своеобразных «майевтических» фрагментов диалога:

- 1) Разумеется, в рамках данных видов дискуссий возможны существенные модификации их коммуникативно-прагматических особенностей, обусловленные сложным комплексом экстралингвистических факторов. Так, степень ритуализованности речевого поведения участников процедуры защиты диссертации может различаться в зависимости от традиций организации, где проходит защита, особенностей процедур защиты, принятых в разных странах, индивидуальных характеристик участников такой дискуссии и т.п. Точно так же и характер поведения участников научной дискуссии на научной конференции, круглом столе и т.п. в зависимости от конкретной ситуации может быть более или менее строгим, подчеркнуто корректным и толерантным либо, напротив, свободным, более «агональным» и т.д. Вместе с тем мы даже интуитивно хорошо ощущаем различия в нормах речевого поведения участников *прототипических* форм рд и сд, что и позволяет в дальнейшем анализе сосредоточиться на экспликации таких различий.
- 2) В статье рассматривается только та часть рд, которая представляет собой спонтанный диалог соискателя и аудитории (заранее продуманные ответы на вопросы и замечания, содержащиеся в заранее подготовленных отзывах официальных оппонентов, в рамках данной статьи не представляют интереса).

Аргументатор: [...] Возьмем для начала неокантианские работы по методологии. Лично я полагаю, что они очень убедительно показали различие собственно научного и исторического мышления и соответственно различие собственно научных и исторических знаний.

Я спрашиваю вас: считаете ли вы сделанные в этих работах различия убедительными?

Оппонент: Да, вполне.

Аргументатор: Вдобавок к этому я знаю – и это было показано в целом ряде работ, – что собственно научное мышление по своим структурам сильно отличается от инженерного, или конструктивно-технического, и проектного мышления [...] Я спрашиваю вас: считаете ли вы убедительным и справедливым различие собственно научного, с одной стороны, и конструктивно-технического и проектного мышления, с другой?

Оппонент: Да, я считаю эти различия убедительными (Щедрз);

в) при использовании контрвопросов, представляющих, по сути дела, критику иницирующего вопроса:

Оппонент: Различаете ли вы теоретическую установку и научный подход? Могу ли я понимать ваши слова «научная методология» как выражение установки особым образом организовать и аранжировать методологические знания?

Аргументатор: А почему, собственно, вы говорите о «методологических знаниях»? Откуда вы их взяли и почему вы предполагаете, что методология должна фиксироваться прежде всего как совокупность или

система специфически методологических знаний?

Оппонент: Я этого не предполагаю, но хочу каким-то образом истолковать и понять ваши слова (Щедрз).

В рд же возможен (причем не слишком часто используется) только первый вариант, ср. уместные в речевом поведении аргументатора-соискателя коммуникативные ходы типа: *Правильно ли я понял Ваш вопрос...; Если я правильно понял Ваш вопрос, Вы имеете в виду, что...?* На наш взгляд, ограничения, накладываемые на речевое поведение аргументатора в рд, связаны с двумя моментами. Во-первых, статусная маркированность коммуникативной ситуации рд накладывает ограничения (а точнее говоря, запрет) на использование отвечающей, т.е. «защищающейся», стороной каких бы то ни было коммуникативных ходов с нисходящим статусным вектором, а любые виды «наводящих» контрвопросов, контрвопросов, подталкивающих спрашивающего к осознанию неточности, неправильности, неуместности, некорректности иницирующего вопроса, могут быть интерпретированы именно таким «статусно неприличным» образом (это обстоятельство достаточно надежно блокирует возникновение искушения играть в майевтические языковые игры). Во-вторых, любой соискатель ученой степени вольно или невольно заботится о сохранении своего «лица» (в смысле Е. Гоффмана, а также П. Браун и С. Левинсона) и потому последовательно реализует в своем речевом поведении стратегию позитивной самопрезентации, предписывающую ему не провоцировать сомнений в своей компетентности, эрудированности, подготовленности, способности свободно вести научную дискуссию (и, соответ-

ственно, по возможности избегать просьб пояснить смысл вопроса, уточнить, что имеет в виду спрашивающий и т.п.).

Семантико-прагматические характеристики компонентов диалогических единств в научной дискуссии

2.1. Иницирующие реплики в составе диалогических единств в научной дискуссии

В принципе стандартными диалогическими единствами в научной дискуссии являются два: а) вопрос – ответ; б) утверждение – выражение согласия/несогласия. При этом и для вопросов, и для утверждений, функционирующих в качестве иницирующих реплик, стимулирующих развитие научной дискуссии, характерны определенные особенности.

Во-первых, почти любое иницирующее высказывание, произносимое в ходе дискуссии, независимо от своей поверхностной структуры и характера первичной иллюкции, обогащается дополнительными интеррогативными обертонами (в том смысле, что любое замечание, любой комментарий может восприниматься и реально воспринимается как побуждение высказать свое мнение по соответствующему поводу), ср.:

Оппонент: Мне все же непонятно, каким образом у вас возникла идея различения научного и методологического. Ваши рассуждения о непосредственной данности через действия, как мне кажется, не объясняют появления той уста-

новки на различение, на которую вы ссылаетесь.

Аргументатор: Это весьма своевременный и красивый вопрос, и сейчас я постараюсь на него ответить, тем более что это соответствует намеченному мною плану изложения (Щедрз).

Ср. аналогичную ситуацию в рд³:

Член совета по защите: Но в таком случае не учитывается полемическое поле в рамках целого подхода.

Соискатель: Вопрос понятен, спасибо.

Строго говоря, иницирующие высказывания оппонентов в обоих случаях вопросами не являются, тем не менее аргументаторы реагируют на них именно как на вопросы, причем такая реакция вовсе не является «автоматической»: утверждения оппонентов действительно целесообразно интерпретировать в смысле: *На каких же основаниях вы разграничиваете научное и методологическое? Как же все-таки появилась та установка на различение, о котором вы говорите? и Почему вами не учитывается полемическое поле?*

Именно это обстоятельство обуславливает специфический статус традиционных эксплицитных интеррогативных апелляций к модусу мнения партнера (т.е. вопросов типа *Как вы думаете?; Как вы считаете?* и под.), употребление которых относится, вообще говоря, к зоне персонального выбора говорящего (в том смысле, что он может свободно использовать или опускать такой интеррогативный «довесок»), ср. следующий фрагмент дискуссии, где первое замечание оппонента завершается вопро-

3) Здесь и далее примеры из рд приводятся по материалам защит диссертаций по лингвистике, проходивших в Минске в совете при Минском государственном лингвистическом университете в 2002–2007 гг.

сительной апелляцией, а после второго такая апелляция не используется, что никак не влияет на речевое поведение аргументатора:

Оппонент: Вы говорили о глобализации в двух измерениях: в пределах одного государства – России и как тенденции в мире. Если глобализация не будет регулироваться государством, боюсь, что может возникнуть такая ситуация, когда Дальний Восток, Якутия объединятся в одну геополитическую зону, Бурятия – с Монголией, Внутренней Монголией и т.д. Как Вы считаете?

Аргументатор: [Следует ответ]

Оппонент: Современные зоны интересов построены на ресурсах: нефти, алюминии, лесе и т. д. Эти ресурсы не беспредельны. Поэтому лет через 20–30 мир будет ориентирован на другие параметры, скажем, на мясо...

Аргументатор: [Следует ответ] (Баз).

Таким образом, попадая в силовое поле научной дискуссии, утверждения как репрезентативные речевые акты претерпевают серьезные иллокутивные модификации и, по сути дела, превращаются в репрезентативно-интеррогативные речевые действия.

Во-вторых, для многих иницилирующих речевых действий характерна негативная аксиологическая окрашенность: в них зачастую «встроено» несогласие с каким-либо утверждением оппонента либо, по крайней мере, сомнения в его правоте.

Оценка может присутствовать в иницилирующем вопросе как эксплицитным (ср.: *Оппонент:* В самом начале сообщения была сделана декларация, что нельзя вести методологическую работу, ориен-

тируясь на некоторое изображение объекта или действительности. А затем сразу была нарисована онтологическая картина, которая представляет собой изображение определенной действительности. Как увязать эти два утверждения, которые, как мне кажется, исключают друг друга или, во всяком случае, противоречат друг другу? (Щедр4)), так и имплицитным образом. При этом степень имплицитности негативной оценки в вопросе или утверждении-вопросе может оказаться очень высокой, ср., например, следующий вопрос:

Член совета по защите: В своем исследовании вы ссылаетесь на работу 1969 г. «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». А Вам знакомы работы Т. А. Яценко и М. В. Всеволодовой?

В данном случае негативно-оценочный компонент «выводится» с опорой на знание того обстоятельства, что авторы диссертационных исследований обязаны знакомиться не только с классическими, но и с новыми разработками в соответствующей проблемной области и использовать результаты этих разработок в собственном анализе (оппонент же, по видимому, сомневается в том, что соискатель знаком с такими разработками, или неудовлетворен тем, что они не использованы в диссертации). Любопытно, что ответ аргументатора-соискателя, который то ли искренне не заметил в вопросе оценочных компонентов, то ли сознательно их проигнорировал и прореагировал только на собственно информационно-интеррогативную часть вопроса, был расценен оппонентом как недостаточный, ср. продолжение дискуссии:

Соискатель: Спасибо за вопрос. Что касается названных авторов, то

мы ознакомились с их работами. Однако, как правило, все те, кто занимается исследованием категории каузативности, берут за основу понятие каузативной ситуации и ее компонентов, разработанную В. П. Недялковым и Г. Г. Сильницким.

Член совета по защите: Вы не ответили на мой вопрос.

Нетрудно заметить, что наибольшей прагматической усложненностью отличаются утверждения-вопросы, включающие в свою иллокутивную структуру оценочные компоненты (фактически мы имеем дело с гибридными речевыми действиями репрезентативно-интеррогативно-оценочного типа), ср., например, реплики типа:

Оппонент: Изучение деятельности – это есть изучение некоторого абстрактного предмета. В математике для этого строятся специальные аксиоматики. Они, как известно, были четко сформулированы именно математиками. Когда вы говорите о деятельности, то у вас такой аксиоматики нет, и неизвестно, откуда вы ее будете брать (Щедр²).

Во-первых, данная реплика, включающая четыре коммуникативных хода, представляет собой сложное репрезентативное образование, во-вторых, в ней присутствует имплицитный интеррогативный компонент (ср. реакцию аргументатора: Это *вопрос* очень сложный, а главное – дискуссионный), наконец, отсутствие аксиоматики и способов ее построения явно рассматривается говорящим как недостаток обсуждаемой концепции, что придает реплике в целом аксиологическую маркированность.

Таким образом, основными типами иницирующих реплик в диалогических единствах рд и сд, являются сле-

дующие (по степени возрастания сложности коммуникативно-прагматической структуры):

а) собственно вопросы (т.е. вопросы, в которых эксплицитно представлена только интеррогативная интенция спрашивающего);

б) вопросы, в которых интеррогативная интенция сочетается с аксиологическими компонентами (обычно негативного характера);

в) утверждения-замечания, которые в «силовом поле» дискуссии могут интерпретироваться в интеррогативном ключе и обогащаться оценочными компонентами.

При этом, по нашим наблюдениям, существенных различий в семантико-прагматических характеристиках иницирующих коммуникативных ходов в стандартных де, реализуемых в рд, с одной стороны и сд, с другой, не выявляется. Как нам представляется, характер иницирующих действий определяется не столько спецификой данных разновидностей научной дискуссии, сколько степенью знакомства оппонента с обсуждаемой концепцией, его оценкой излагаемых аргументатором положений, его представлениями о должной степени толерантности собственного речевого поведения в конкретной коммуникативной ситуации (т.е. в целом комплексом достаточно вариативных и индивидуальных факторов).

Иначе обстоит дело со второй частью рассматриваемых диалогических единств, т.е. ответов аргументатора на вопрос/замечание оппонента. Здесь, на наш взгляд, речевое поведение аргументатора в рд и в сд существенно различается. Рассмотрим наиболее выразительные различия такого рода.

2.2. Реактивные реплики в составе диалогических единств в научной дискуссии

2.2.1. Способы выражение согласия/ несогласия с оппонентом

220

Данный тип речевых действий реализуется прежде всего в качестве реакции на инициирующее *утверждение* оппонента. При этом сравнение характеристик речевого поведения аргументатора в рд и в сд позволяет утверждать, что речевое поведение аргументатора в рд жестко регулируется требованиями максимы согласия (в смысле Дж. Лича): аргументатор в рамках данного вида научной дискуссии обычно соглашается с оппонентом, причем использует широкий арсенал средств интенсификации согласия, ср.:

Член совета по защите. Категория каузативности представляет собой метакатегорию, отражающие самые разные причинно-следственные отношения: условия, уступки, цели, а не только рассматриваемое Вами следствие. Что вы можете сказать по этому поводу?

Соискатель. Вы совершенно правы, давая такое определение каузативности [...];

Член совета по защите: У вас используются два термина: «речевой акт» и «коммуникативно-речевой акт». Дело в том, что коммуникативно-речевой акт и речевой акт «работают» очень хорошо, но в разных научных парадигмах.

Соискатель: Совершенно верно [...] (интересно, что далее аргументатор-соискатель вполне может излагать позицию, не вполне совместимую – и даже порой совсем несовместимую – с точкой зрения, высказанной

оппонентом, но тем не менее в соответствии с правилами игры он должен сделать необходимый коммуникативный «реверанс» в сторону оппонента).

Что же касается речевого поведения аргументатора в сд, то здесь правила выражения согласия/несогласия являются гораздо более свободными, в силу чего спектр возможных речевых реакций может располагаться в любой «точке шкалы» от выражения полного согласия до экспликации и даже акцентирования резкого несогласия, ср.: полное согласие: *Я целиком согласен с вами и утверждаю фактически то же самое, лишь несколько переставляя акценты [...];* почти полное согласие: *Мне кажется, что вы несколько торопитесь. Ведь я согласен с вами почти во всем, а вы согласны со мной в констатации некоторого факта и только не принимаете того заключительного вывода, или, если хотите, гипотезы, которую я добавляю к этой констатации;* частичное согласие: *С одной стороны, я с вами согласен, а с другой – нет; ведь в проблеме этой много разных аспектов, много разных планов, и мы должны их различать;* несогласие: *Я не могу с вами согласиться и думаю, что вы ошибаетесь по меньшей мере в двух пунктах (Щедрз).*

Не случайно именно в сд широко представлена тактика резкого акцентирования «своего» и «чужого», предполагающая эксплицитное противопоставление точек зрения, эвристических установок, исследовательских стратегий и т.п. говорящего и оппонента, причем эту тактику могут использовать как аргументатор: *Мне понятна ваша точка зрения, она мне известна, я знаю, как и при каких условиях она возникает. И именно потому, что я все это знаю и понимаю, я говорю*

со всем пафосом, на какой я только способен, что мы с вами живем и работаем в разных экологических нишах мышления (Щедр3), так и оппонент, ср.: Но тогда нам нечего обсуждать: вы говорите одно, мы говорим другое, каждый остается при своей точке зрения, и мы должны разойтись (Щедр4).

2.2.2. Комментарии характера вопроса/утверждения оппонента

В целом оценка задаваемого вопроса (или другие комментарии характера вопроса) является одним из самых распространенных метакоммуникативных ходов, используемых участниками научной дискуссии – используемых, впрочем, в рд и сд неодинаково: во-первых, в рд востребована только позитивная или нейтральная оценка вопроса, в то время как в сд широко используется и критика вопроса; во-вторых, семантический спектр оснований оценки в рд намного уже, чем в сд (в первом типе дискуссий аргументатор обычно позволяет себе только оценку вопроса как важного, интересного или сложного, в сд же свободно используются и оценки вопроса как точного, своевременного, красивого, уместного, показательного, характерного, законного и т.п.); в-третьих, в рд позитивная оценка вопроса часто «встраивается» в этикетную иллокутивную оправу «благодарности за интересный и важный вопрос», что в сд возможно, но отнюдь не обязательно. Таким образом, в сд диапазон диалогических реакций, направленных не столько на содержание обсуждаемого тезиса, сколько на характер заданного вопроса, оказывается намного шире – в первую очередь, за счет широкого использования критики вопроса.

Такая критика в сд реализуется в виде указания на некорректный, неуместный, неактуальный, несодержательный, не-проблемный, несвоевременный характер вопроса и обнаруживает разную степень толерантности речевого поведения аргументатора, ср.:

Оппонент: Проводила ли ваша группа изучение неофициальных браков?

Что творится на бытовом уровне?

Аргументатор: Я бы разделил это.

Брак – это государственно-правовое состояние, он определяет статус, вид на жительство и т. д. Это отношения человека и государства. Межчеловеческие отношения – это отдельный аспект, другая плоскость проблемы. Некоторые браки подставные, но большая их часть реальные, настоящие. Исследовать внебрачные отношения, сами понимаете, сложно. *И я не совсем понимаю, зачем.* Я убежден в том, что в генах этнические качества не передаются. Этничность – это проблема культурная. Не важно, какой разрез глаз у человека, важно, в какой среде он воспитывается, растет и через какие механизмы социализируется. *Поэтому мне представляется, что это вообще не проблема (Дятл);*

Оппонент: Как быть с понятийным аппаратом, общим для логики и методологии?

Аргументатор: Не существует такого аппарата, хотя могут существовать и существуют попытки использовать понятийный аппарат логики в методологических целях. Но *все вопросы такого рода* при моем чисто системном подходе *некорректны*: ведь я работаю в чистых функционально-понятийных оппозициях, не относя

пока мои противопоставления к тому или иному онтологическому пространству. Поэтому все вопросы, касающиеся топики моих различий, преждевременны (Щедр5);

Аргументатор: Что за странный вопрос вы мне задаете?! Но отвечать-то надо, хоть он и странный [...] (Щедр6);

Аргументатор: Ваш вопрос лежит за пределами искренности и откровенности. Объясняю [...] (там же).

222

В случаях, когда по каким-либо причинам аргументатор считает возможным избирать подчеркнута конфронтационную стратегию речевого поведения, он может использовать и такую (в целом малохарактерную для научной коммуникации – в отличие, например, от коммуникации политической) жесткую тактику дискредитации оппонента, как тактика «навешивания ярлыков», ср. примечательный фрагмент дискуссии:

Оппонент 1: [...] Методология действительно стала отделяться и даже отделилась от науки. И это беда. Нужно сделать так, чтобы методология была научной и наукой. Именно к этому надо стремиться, вводя понятия методологии и науки.

Аргументатор: Я хорошо понимаю вашу позицию, но считаю ее реакционным утопизмом [...]

Оппонент 2: Сначала надо показать и доказать, что выделение методологии ведет нас вперед, и лишь после этого можно будет сказать, что мы хотим попятного движения.

Аргументатор: На мой взгляд, сформулированная вами позиция есть крайнее выражение антиисторической точки зрения и антиисторического подхода [...] (Щедр3).

2.2.3. Тактики уклонения от ответа на вопрос

Уклонения от прямого и полного ответа на вопрос в научной дискуссии относятся к наиболее любопытным с прагматической точки зрения речевым действиям: с одной стороны, ярко выраженная интеррогативность научного дискурса, и особенно научной дискуссии, предполагает использование самых разнообразных типов ответных речевых действий, в том числе и уклонений, но, с другой стороны, уклонение от ответа на вопрос противоречит фундаментальным интенциям научного дискурса, в числе которых справедливо выделяют интенцию на отстаивание своей точки зрения в процессе познания окружающего мира (см.: Михайлова 1997: 95–95).

Из всего – достаточно широкого – набора способов уклонения, функционирующих в научной коммуникации (подробнее см.: Задворная 2006), по нашим наблюдениям, наиболее отчетливо «оттеняют» специфику рд и сд количественные и качественные особенности использования таких тактик, как подмена ответа на вопрос метаязыковыми рассуждениями, сознательное переключение темы, неполный ответ (для данных тактик характерно преимущественно использование в сд и сравнительно редкое употребление в рд), переадресование вопроса и ссылка на невозможность ответа.

Тактика переадресования вопроса зафиксирована нами только в сд, причем в данном типе научной дискуссии возможен и такой ее относительно жесткий вариант, как переадресование вопроса непосредственно коммуникативному партнеру (т.е. оппоненту), ср. следующий фрагмент, аналогичный которому трудно представить себе в рд:

Оппонент: Но что здесь означает «внутри» и «снаружи»? В каком смысле вы спрашиваете? Должен ли я представлять себе дело так, что речь идет о пространственных отношениях? Если вы имеете в виду рассуждения, то это опять-таки очень странно, и у меня будут по этому поводу вопросы.

Аргументатор: Но ведь все эти вопросы я должен был бы адресовать вам, потому что я лишь повторил ваш вопрос, заданный мне в самом начале доклада (Щедр4).

Что же касается тактики ссылки на невозможность ответа, то она представлена как в рд, так и в сд и применяется в тех случаях, когда аргументатор не располагает нужной информацией (или не имеет определенного мнения по определенному вопросу). Обычно такая ссылка сопровождается мотивировкой незнания (т.е. апелляцией к причинам объективного характера), причем наиболее типичной мотивировкой в обоих видах научной дискуссии является указание на то, что соответствующее явление не было «объектом нашего анализа», или на то, что исследование данного феномена «не входило в наши задачи», ср.:

Оппонент: [...] я хочу узнать, занимались ли Вы проблемой регионализации и самоидентификации тех территорий, которые мы называем Сибирью, есть ли такие исследования, насколько этот уровень идентификации актуален. Это одна часть вопроса. [...]

Аргументатор: На первую часть вопроса отвечаю: *таких исследований в нашем институте не проводилось, мы только подступаем к этой проблеме (Лам).*

Но при этом если для аргументатора в рд использование мотивировки является строго обязательной (не сопровождаемое ссылкой на объективные причины признания типа *Я не знаю* или *Я не могу ответить на этот вопрос* относятся к числу чуть ли не «табуированных» для рд речевых действий – опять-таки в силу стремления «сохранить лицо»), то аргументатор в сд вполне может позволить себе и отказ от ответа, использовав эксплицитное признание в форме «я не знаю», ср.:

Оппонент: Георгий Петрович, вы противопоставляете два пространства – пространство истории и пространство деятельности?

Аргументатор: Я вопрос ваш понимаю. Но *я не знаю*, как ответить и как правильно сказать, поэтому я сейчас пространство деятельности и пространство действия не различаю, не противопоставляю друг другу (Щедр7);

Оппонент: А как это резче сформулировать?

Аргументатор: *А черт его знает, как это резче сформулировать, я и сам этого не знаю.* Иногда мне кажется, что я это понимаю, а иногда кажется, что *не понимаю.* *Я не знаю*, верно это или нет. Мне важно сейчас разъяснить саму постановку вопроса. (Щедр1).

На наш взгляд, комплекс выявленных различий может быть вполне эффективно проинтерпретирован при помощи одной из наиболее любопытных и эвристически ценных метафор, порожденных в рамках французской школы анализа дискурса, в которой дискурс понимается как система ограничений, «которые накладываются на неограниченное число

высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» (Серио 1999: 26); в метафорической аранжировке такие ограничения понимаются как «фильтры», которые «обрывают возможные связи в коммуникативных сетях» (Лиотар 1998: 49). Используя эту метафору, можно сказать, что дискурс представляет собой систему фильтров, отбирающую из всего богатства языковых средств и потенциально возможных речевых действий те, которые приемлемы для конкретной сферы коммуникации (научной, политической, медицинской, семейной и т.д.). При этом, по-видимому,

целесообразно различать систему внешней фильтрации, действующей на уровне всей дискурсивной сферы, и систему внутренней фильтрации, действие которой распространяется на отдельные дискурсивные жанры и субдискурсы, обычно конституируемые социорольевыми параметрами коммуникантов. Так, очевидно, что наиболее жесткой прагматической фильтрации подвергается субдискурс аргументатора в рд, в то время как речевое поведение аргументатора в сд и оппонентов в обоих видах научной дискуссии является гораздо более свободным.

summary

Σ Types of scientific discussion and their pragmatic characteristics

The article focuses on pragmalinguistic features of two kinds of scientific discussion: “ritualized” (e.g., discussions held while defending dissertations) and “informal” (e.g., discussions taking place at conferences, symposia, workshops, etc.). These discussion types differ in such parameters as: turn-taking, ways of expressing agreement and disagreement with the opponent, the nature of comments on the initiating question or remark, types of evasion tactics.

Условные сокращения

- Баз – стенограмма обсуждения доклада Б. В. Базарова на конференции «Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы» (Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы. Материалы международного семинара-совещания. Иркутск, 2004. Стенограмма дискуссии. *Электронный ресурс. Режим доступа: <http://mion.isu.ru/pub/bgca/stenogram.html>* (Сайт Иркутского межрегионального института общественных наук)).
- Дятл – стенограмма обсуждения доклада В. И. Дятлова на конференции «Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы» (там же).

- Лам – стенограмма обсуждения доклада В. А. Ламина на конференции «Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы» (там же).
- Щедр1 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Логика и методология науки» (Щедровицкий Г. П. *Философия. Наука. Методология*. – Москва: Шк. Культ. Политики, 1997. – С. 203–224).
- Щедр2 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Теория деятельности и ее проблемы» (там же, с. 242–269).
- Щедр3 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Методология и наука» (там же, с. 294–363).
- Щедр4 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Об одном направлении в современной методологии» (там же, с. 364–423).
- Щедр5 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач» (там же, с. 424–471).
- Щедр6 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Философия, методология, наука» (там же, с. 514–546).
- Щедр7 – обсуждение доклада Г. П. Щедровицкого «Перспективы и программы развития смд-методологии» (там же, с. 547–594).

Литература

- Задворная 2006: **Задворная, Елена**. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе. – In: *Respectus philologicus*. – 2006. – № 10 (15). – С. 61–72.
- Кожина 2004: **Кожина, Маргарита**. Речеведение: функциональная стилистика и дискурсный анализ. – In: *Стил*. – Београд – Бањалука. – Вып.3. – С. 11–24.
- Лиотар 1998: **Лиотар, Жан-Франсуа**. Состояние постмодерна. – Москва: Ин-т экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. – 160 с.
- Михайлова 1997: **Михайлова, Е. В.** Конститутивные признаки научного дискурса. – In: *Языковая личность: проблемы обозначения и понимания*. – Волгоград. – С. 95–96.
- Серио 1999: Серио, **Патрик**. Как читают тексты во Франции. – In: *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. – Москва: ОАО иГ «Прогресс». – С. 12–53..